

Ваш дедушка — святой

05.09.1938. — 1998.
— 22-28 янв. — с.в.

Икона мученика большевизма в собрании Третьяковской галереи

В древнерусской литературе всякое описание появления и обретения иконы похоже на волшебную сказку: приплыла дощечка, словно золотая рыбка, по синю морю; пошли дети в лес по грибы-ягоды — ан меж корней чудо-дерева радужное сияние от святого образа.

То ли дело нынешнее время: получил иконописец заказ, выполнил в срок, заплатили ему положенное — и опять за работу с чистой совестью.

Елена Кускова написала икону, которая, вместе с работами ее коллег из Центра православного искусства при Музее им. Андрея Рублева, экспонировалась на выставке в Третьяковской галерее. Образ священномученика отца Константина (Голубева) пожелало приобрести у художницы руководство галереи — для нового зала современной иконы, который откроется нынешней весной.

На этом кончается житейская проза в истории, рассказанной мне Леной, и наступает черед изумления и скорбеть, как при чтении старинных сказаний.

Отец Константин явился Лене, вошел в ее судьбу, в ее дом вскоре после того, как появился на свет сын Коля. Лена с мужем ждали Колю так долго, что его рождение было, в общем, истинным чудом. Мальчика окрестили, а потом как-то раз крестная мать говорит Лене: «У меня в Ногинске есть добрый знакомый, врач, Леонид Леонидович Голубев. Сам он неверующий, но вот дедушка его был священником, очень почитаемым в Ногинске, где четверть века прослужил. Этого дедушку Церковь только что причислила к лику святых. Не напишешь иконку — на память внуку о деле?»

Лена поехала в Ногинск (при о. Константине это был Богородск), познакомилась с Леонидом Леонидовичем, с прихожанами храма, где служил священномученик (там теперь хранятся его мощи). Увидела Лена и овраг на окраине города, где завершился путь семидесятилетнего старца...

Стояла ранняя весна, дул холодный ветер, за отцом Константином и его мучителями бежала толпа, умоляя отпустить любимого батюшку. Конвоиры лениво ссылались на приказ Губчека. Привели в овраг. Изготовились стрелять. Тут как из-под земли выросла перед священником женщина — из гуши толпы выбежала: «Не дам убивать нашего отца!» Командир приказал порешить обоих. Взяли на прицел — и снова крик: «Не могу стрелять в попа!» — молоденький красноармеец бросил ружье. Поставили и его рядом с теми двумя.

Стреляли плохо — никого не убили наповал. То ли патроны берегли, то ли решили хорошенько

припугнуть свидетелей — закапывали заживо о. Константина и «иже с ним» (также прославленных теперь как святых). Да не закапывали — кое-как, наскоро землей забросали. Священник все порывался восстать из-под земли: не о пощаде молил, а чтобы пристрелили. Это ж какой грех — живых хоронить!.. Вешние дожди размывали в последующие дни могильный холм, и люди, пришедшие на страшное место, сами жизнью рискуя, пригоршнями засыпали открывшиеся взору босые ноги, края ряс.

Легко написать: все это Лена словно воочию увидела в овраге. Другое дело — почувствовать, какое потрясение случается с человеком, принимающим трагедию, бывшую Бог весть когда и незнамо с кем, до самой глубины души. Мы, переварившие безболезненно Колыму, Освенцим и Хирсиму, любимые на иконы Страсти Христовых, мученичества Георгия Победоносца, убийства Бориса и Глеба, оценивая композицию и колорит, но решительно не допуская, чтобы нечто подобное совершилось с кем-то из близких или с нами самими, вот сейчас. Чтобы тесным контактом, нужным прямой страданием, перенесенным предками, не оттого ли всерьез не стали нашими, что все мы, живые, страшно разобщены?..

Так Лене, уже написавшей маленькую икону отца Константина для его внука, стал открываться Образ. Помогло и чтение материалов Комиссии по канонизации, и устное предание, и беседы с еще одной внучкой святого, Галиной Константиновной.

Собственно, своим прославлением дел в первую очередь ей объяс-

ним. В семейном кругу могила о. Константина считалась затерянной — отчего бы, подумалось ей, сегодня, когда столько захоронений открывается, не попытаться счастья и в случае удачи не перенести праха деда в церковную ограду, где подобает покоиться иерею Божию.

Начала искать — никаких концов в архивах. Постучала, в самом прямом смысле, в первую попавшуюся дверь.

— Могила батюшки Константина? — переспросила богородская старожилка. — Да что ее искать-то, у нас все ее знают — пойдемте... Эх, кабы вы приехали два года назад: жива еще была бабушка, видевшая, как его убивали.

Ни креста, ни какой таблички на могиле. Но вся засеяна цветами, и лампадка среди цветов, и свечные огарки. Оказывается, восемь без малости десятилетий приходили сюда, в овраг, осиротевшие духовные чада о. Константина (а за ними и их чада, и дети этих детей), и оплакивали его, и пели «Со святыми упокой». И чудо: какой бы

сильный ни был ветер, какой бы непогожий ни выдавался день — ни разу не гасли свечи.

Не погасли они и в день, когда впервые открыто отслужена была в овраге панихида.

Ну, а после нее городское духовенство обратилось к митрополиту Ювеналию, возглавляющему Синодальную Комиссию по канонизации: все эти годы, мол, втайне почитался нами батюшка за мученика — позвольте нам теперь так же и вслух к нему обращаться.

Могила вскрыта, останки отправлены на экспертизу — и вскоре Галину Константиновну по телефону известили:

— Все в порядке. Ваш дедушка — святой.

Конечно, Лена с волнением вспоминает день и час, когда встретила с отцом Константином лицом к лицу — увидела его фотокарточку. Но икона и портрет слишком разные вещи. Лена, принявшая уже решение писать новый, большой образ священномученика, искала то самое нечто, на что могла не профессионально, а духовно опереться. И обрела эту опору — в череде событий, из которых судьба святого сложилась.

Прежде чем принять сан, двадцать лет целых он пробыл епархиальным миссионером в родной Саратовской губернии (славной тогда ересями и расколами), а затем в Богородске. Не прибегая ни к какому иному оружию, кроме дара любви и силы слова, привел в Церковь одних староверов больше полутысячи, а уж сектантов — не счесть. Пастырское служение начал не на теплом и доходном месте — в тюремной церкви, среди разбойников и убийц. Основал несколько церковно-приходских школ, участвовал в деятельности первых в России обществ трезвости, собирав средства в помощь сиротам и голодающим.

Кажется: все в этой судьбе плоть от плоти нашего века и даже наших с вами дней. И все-таки в канве этой жизни, чем больше она открывалась Лене Кусковой, обнаруживалось все отчетливее нечто вневременное, что могло быть расценено как святость и сто, и тысячу, и две тысячи лет назад. Каждый из стежков канвы сам по себе являл икону. И вокруг фигуры седовласого священника в бедных ризах потянулись чередой клейма со сценами его духовных подвигов — как опоясывают иконы Дионисия и Андрея Рублева. Лишь одного клейма, единственного звена не хватало в стройной череде — звена, соединяющего эпизоды мирных трудов и дней отца Константина с отображением его последних трагических минут.

Это звено обнаружилось и встало на свое место вроде само собой — как и все в нашей истории. Что

Евгений Крылов

именно было вменено в вину гражданину Голубеву — неизвестно. Но мы знаем, что протоиерея Константина арестовали сразу после того, как Богородск посетил Святитель Тихон — Патриарх, избранный в те дни, когда власть захватили узурпаторы-большевики. Сам по себе редчайший случай: не о. Константин едет в Москву к Патриарху, но Патриарх является к обыкновенному приходскому батюшке. Незадолго перед их встречей Патриарх Тихон предал советскую власть анафеме, начались аресты духовенства, осквернение святынь, «изъятие» церковной утвари. Очевидно, что приезд Патриарха к о. Константину имел вовсе не частный характер. Без сомнения, прежде чем казнить, старика Голубева пытали. Не пытались ли силой вырвать у него сведения о беседе со Святейшим? Не вымещали ли на нем ненависть к Перво-святителю? И убили — не потому

ли, что отец Константин не отрекся ни от Христа, ни от Церкви Христовой? О злодейском убийстве в Богородске на Поместном Соборе сообщил член его президиума Шеин (впоследствии архимандрит Сергей). Он будет расстрелян в Петрограде в 1922 году, вместе с

митрополитом Вениамином, за отказ содействовать «изъятию». Через три года при загадочных обстоятельствах скончается сам Патриарх. Все они ныне прославлены Церковью в числе Новомучеников и Исповедников. Отец Константин, отец Сергей, владыка Вениа-

мин, Патриарх Тихон... И с ними три тысячи священников, пять с половиной тысяч монахов, десятки тысяч мирян. Имя отца Константина — в самой первой строке поминального списка.

Народное предание гласит: командир тех красноармейцев, что расстреливали о. Константина и «иже с ним», вскоре сошел с ума. И застрелил свою жену, приняв ее, простоволосую, в потемках за того злополучного попа. Фамилия командира была Смирнов. Знать об этом надо. И помнить надо. Но знать и помнить только об этом — с ума сойти! Надо помнить еще и безымянного красноармейца, который отказался стрелять, — и сам, вместе с попом, был казнен.

— Когда я познакомилась с внуками отца Константина Голубева, — говорит Лена, — вдруг по-

думала: а сколько в России таких внуков, не подозревающих, что их дедушка — святой. Осознав свое родство со святыми — какую опору обретаешь!

Лена рассказывает о своем — и словно мои мысли читает. Ушибленные, ошеломленные правдой, услышанной десять лет назад, мы сегодня все усерднее прячем ее с глаз долой, из сердца вон: «Хватит о ГУЛАГе, о палачах и жертвах! Красота, а не эти ужасы, спасет мир! Сделайте нам красиво!..»

Судьба о. Константина трагична — но и прекрасна. В ней есть та красота, постижение которой — тоже подвиг.

— Выходить из этой работы тяжело, — признается Лена. — Еще труднее — войти в новую. Не знаю, что и как буду теперь писать... Пока вот Коля рисует. Посмотри, какое чувство композиции в этих его каракулях!..

Коля (рассказала мне Лена) присутствовал на вернисаже в Третьяковке. Когда Патриарх остановился у иконы, которую они с мамой писали, Коля, к ужасу охранников, вылез из толпы, подошел вплотную к Патриарху и дважды, громко и внятно, произнес:

— Это наша икона. Это н а ш а икона.

Святейший заулыбался, закивал. Но вряд ли догадался, насколько в данном случае устами младенца возгласила истина.

Михаил ПОЗДНЯЕВ